Как израильский «Фокстрот» Гран-при в Венеции получил

«Фокстрот»

Режиссер Шмуэль Маоз

В ролях: Лиор Ашкенази, Сара Адлер

Израиль, 2017, 113 мин.

«Фокстрот» Шмуэля Маоза признан выдающимся достижением современного израильского кино. Он получил множество наград, в том числе Гран-при жюри «Серебряного льва» на Венецианском кинофестивале (в 2009-м на этом же фестивале фильм Маоза «Ливан» получил «Золотого льва»). Об этой картине написаны сотни хвалебных рецензий. А мне, скажу сразу, фильм не понравился. Но я берусь писать о «Фокстроте» с ощущением некой предстоящей мне трудности не потому, что придется идти наперекор установившемуся мнению: к этому мне не привыкать. Причины другие.

Во-первых, в сюжете фильма есть центральный момент, который рецензенту ни в коем случае нельзя раскрывать, иначе текст превратится в спойлер. Но попробуй обойди этот момент, если он играет в фильме важнейшую роль. Во-вторых, мне трудно быть в отношении этого фильма объективным: мой взгляд на Израиль резко отличается от взгляда режиссера и сценариста фильма Шмуэля Маоза. Не подлежит ни малейшему сомнению, что он более компетентен в израильских делах и ощущает дух жизни в Израиле лучше, чем я, и было бы смешно с моей стороны критиковать его за то, что он представил свою родную страну «неверно». Но я и не собираюсь его критиковать. Я лишь постараюсь объяснить, в чем состоит в данном случае мой когнитивный диссонанс.

В фильме рассказывается о супружеской паре состоятельных, нерелигиозных, в возрасте между сорока и пятьюдесятью представителей израильского среднего класса по фамилии Фельдманы и их сыне Йонатане, который служит в армии. Обходя, опять же, событийное ядро фильма, опишу лишь его общее настроение. Это настроение тоски, разочарованности и постоянно нависающей беды. Родители Йонатана в своем фешенебельном доме напряженно ждут несчастья, пока Йонатан с еще тремя молодыми солдатами отбывает свой армейский срок на блокпосте в пустыне — на границе с палестинскими территориями.

Блокпост представляет собой проржавевший жестяной контейнер, постепенно погружающийся в болото. Тоскливая скука четырех парней перемежается с моментами почти истерического напряжения всякий раз, когда им приходится проверять идущую в израильском или арабском направлении машину. С одной стороны, это их повседневное дело, с другой — никогда нельзя быть уверенным, что твой живот не прошьют автоматной очередью. В конце концов, нервы блокпостовцев сдают, и они ни за что расстреливают сидящих в машине пятерых арабский парней и девушек: им просто показалось, что выпавшая из автомобиля консервная банка — это бомба или граната. Откуда-то приезжает экскаватор и, вырыв на обочине дороги глубокую яму, сбрасывает туда автомобиль вместе с пятью трупами. Шито-крыто. Служба как служба. А ребята стали еще сильнее ощущать абсурдную бессмысленность своего торчания на этом блокпосту.

В этих расстрелянных из-за консервной банки арабах, бросающем автомобиль с мертвецами в яму экскаваторе, погружающемся в болото контейнере-блокпосте и странных разговорах, которые ведут между собой четверо, есть что-то от пьесы Беккета «В ожидании Годо» или фильма «Пустыня Тартари» по сюрреалистической повести Дино Буццати, где гарнизон крепости год за годом неусыпно ждет наступления со стороны пустыни неких таинственных и жутких «татар», которые так никогда и не появляются. С другой стороны, отношения супругов Фельдман напоминают атмосферу фильмов Антониони с их невротичными, усталыми от жизни и некоммуникабельными героями.

Маоз напичкал почти каждый кадр красивыми символичными деталями, которые можно расшифровать по-всякому, но ясно одно: что-то прогнило в государстве израильском. Тоска, тоска. Безнадега, безнадега. Выхода нет и не предвидится.

Ну что ж, может быть, так оно и есть. Но дело вот в чем. В этом символистском фильме такие вопросы, как «кто виноват?» и «что делать?», совершенно не ставятся. Маоз ожидает, что зрители, для которых он снимал фильм, будут по умолчанию понимать, что все в Израиле крайне хреново, об этом и говорить нечего. Режиссера же занимает не житейская эмпирия, а проблемы сугубо экзистенциальные.

Очень хорошо. Но что же делать такому наивняку, как я, привыкшему смотреть на Израиль с умеренным оптимизмом и вовсе не считающему его бесконечную войну на истощение с арабами бессмысленной? То есть, я не такой уж совсем простак, чтобы не понимать изматывающей трудности этой

войны и ее трагичности. Но я еще, увы, не дорос до того, чтобы считать эту войну начисто напрасной и абсурдной.

Таков мой сермяжный взгляд извне на этот фильм. Он не дает мне понимающе и печально покачивать головой в ответ на каждую малопонятную, но понятно, в какую сторону клонящую метафору этого фильма, и прежде всего на его ключевую метафору, давшую картине название. За «фокстротом» у Маоза стоит целый эшелон смыслов: это и танец, который танцует в доме для престарелых страдающая Альцгеймером бабушка Йонатана (ее патологическая беспамятность — тоже символ: символ на символе и символом погоняет), и пароль блокпоста, и символ Израиля сегодня: шаг влево, шаг назад, шаг вправо, шаг вперед — и страна на том же заколдованном месте. (Это, кстати, похоже на кадр из фильма Звягинцева «Нелюбовь», в котором героиня, стоя на тренажере в трениках с надписью Russia на груди, бежит на месте. «Фокстрот» вообще похож на «Нелюбовь» своей угрюмой многозначительностью, герметичностью и полным пессимизмом).

Возможен вопрос: «Но если ты говоришь, что постороннему не понять экзистенциальной скорби этого фильма, то почему он получил приз на Венецианском фестивале? Почему был отобран в пятерку фильмов, номинированных на «Оскара» в категории «лучший иностранный фильм?»

Ну, на этот вопрос как раз несложно ответить. Потому что западным либералам очень по душе позиция Маоза. Они прекрасно понимают, что именно тот вынес за скобки: упадок духа и моральное опустошение израильтян — это кара за то, что они гнобят арабов. Скажу короче и политичнее: «Фокстрот» сделан израильским «левым», и он по душе западным левым.

Шмуэль Маоз получает «Серебряного льва»

Я не являюсь крайне левым, и потому фильм меня не убедил. Но я не являюсь и крайне правым, безоговорочно-оголтелым апологетом Израиля, и потому не могу утверждать, как это сделала, например, израильский министр культуры и спорта Мири Регев, что фильм является «результатом самобичевания и сотрудничества с антиизраильскими сценаристами». Итог: я застрял, как Буриданов осел между двумя копнами сена. Когнитивный диссонанс. Такому ослу-нейтралу, как я, хотелось бы побольше ясных доказательств и веских обоснований и поменьше мрачных намеков — в общем, раскрытых скобок.

А «Оскара» за лучший иностранный фильм «Фокстрот» не получил. Наверное, среди американских киноакадемиков тоже нашлось достаточно ослов, которые не смогли с ходу въехать в израильскую тоску и безнадегу.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»